Глеб Павловский о «системе РФ» :

Глеб Павловский на семинаре Центра социального проектирования «Платформа» в стенах Института ВЦИОМ: о «системе РФ»

Я пытаюсь разобраться в том, что такое система РФ, вот уже три года – с тех пор, как получил возможность не обеспечивать ее функционирование, а разбираться в ее особенностях.

Я отношусь к нашей системе как к «черному ящику». Я отстраняю вопросы о том, какова ее социальная база и каков политический режим, поскольку я в них не компетентен, и решаю такой вопрос: как «черный ящик» ведет себя и что, исходя из его поведения, можно предположить на будущее.

Еще до 2000-х годов я говорил о том, что новая власть не имеет программы, она имеет способность импровизировать. И у нее есть набор образцов, частично включающий в себя и советскую библиотеку эталонов, и серию западных эталонов, тоже критически не обработанных и не проходивших ревизию. И на основе этого набора, сталкиваясь со сложными ситуациями, она импровизирует, реагируя на эти ситуации.

Наша власть не «стратег» в классическом смысле слова, но называть наблюдаемое поведение «тактикой» тоже нельзя. Это значительно более серьезное свойство системы. Откуда оно? Ведь наша система не просто возникла из определенной катастрофы, она создана теми, кто уцелел в катастрофе и преуспел благодаря ей. Это очень важное свойство. В каком-то смысле все это можно рассмотреть в терминах квази-дарвинистской модели, но это будет тоже натяжка.

Принципиальный момент, который постоянно опускается: от чего отстраивалась наша власть? А говоря «власть», мы затрагиваем все наши политические течения, движения и позиции, включая и противников власти. Простой ответ: «от советской власти», а

теперь еще и ответ «стремясь воспроизвести ее» – пропускает очень важный момент. А именно промежуточное состояние второй половины 80-х и начала 90-х гг. Это значительно более важный фактор и значительно более надежная база для анализа сложившихся впоследствии моделей, чем рассуждения о советской системе, которая к 1991 году уже не существовала. А существовало внутри нее некое переходное образование, которое не было ни советской системой в старом смысле слова, ни какой-то другой.

Это и есть пропущенное звено в нашей генеалогии. Именно отстраиваясь от переходного состояния, возникала группа «беглецов». Она составила ядро того политического класса, которое образовало команду власти в узком смысле слова, как мы ее знаем сегодня. Отчасти идя за процессом, отчасти пытаясь им управлять, эта группа создавала формы власти и формы государственности. Это были люди со спасательной шлюпки. Как они попали в эту шлюпку, как вели себя по отношению к тем, кто тоже пытался в ней оказаться, сейчас мы оставляем в стороне. Существенно, что это был ковчег спасшихся, которые тем самым приобрели колоссальные преимущества. Они приобрели возможность лепить, управлять, модерировать процесс. Что еще важно, они этой возможностью воспользовались.

Были блокированы принципиальные свойства промежуточного состояния, условно назовем его «горбачевским». Во-первых, оно было временным, так что отстраиваясь от него, хотели построить устойчивое, неразрушимое образование. Во-вторых, в нем существовал принципиальный модуль, позволявший его реформировать. Другое дело, что этот модуль попал в руки людей, которые просто не умели это делать. Я имею в виду команду Горбачева. В отстраивании от этого свойства возникло такое свойство системы РФ как неререформируемость. В-третьих, промежуточное состояние было малоресурсным. Соответственно, поиск ресурсов, желательных, превратился в манию с самого начала. В целом промежуточное состояние было свободным, и оттого не уютным и тревожным. Оно было открытым глобально.

Возникало желание от всего этого защититься. Свойства промежуточной системы выступали как опасности и угрозы. Еще один пример – ценностные параметры. Они были блокированы с первых же лет наступивших 90-х. Система строилась уже не как ценностная. Само указание на возможность присутствия ценностей в политическом и публичном поле рассматривалось в лучшем случае как шутка фрика, в худшем как вызов.

Итак, поначалу наша система была спасательным модулем тех, кто ускользнул от гибели. И здесь важный момент. Горбачевский Советский Союз, в отличие от РФ, мог погибнуть и погиб. А система Российской Федерации строилась изначально как текучая, ликвидная, бесформенная и вневременная. В ней появилось новое свойство, которое не сводится к прежним рядам линейных старых качеств. В русском языке есть слово «верткость». Когда говорят, что наша система – это перелицованная советская система, или еще смешнее – неолиберальная система, это ошибка. Я думаю, суть в том, что она – система всех прежних систем. Ее можно было бы сравнить с эклектичным зданием, но это статичный образ, а наша система подвижна. Она легко имитирует, если необходимо. И она рефлексивна. Только это рефлексия текущей ситуации не с точки ценностей, а с точки зрения выживания. Она каждую ситуацию рассматривает как свою экзистенциальную, но не для населения, а для себя, то есть власти.

Я давний поклонник Джорджа Кеннана, и, думая над нашей системой, пытался понять в его знаменитом описании «Истоки советского поведения» (длинной телеграммы из 6500 слов, которую он отправил в начале 1946 года из Москвы в Вашингтон и которая легла в основу доктрины сдерживания), где у него находится хотя бы образное представление о социальной или политической структуре советского общества. А его нет, он не интересуется этим. Он ничего не говорит о тоталитаризме. Ему совершенно не нужна эта гипотеза. Еще поразительнее, что он упоминает Сталина только пару раз. Кеннан обошелся без этого, и его текст на 2/3 еще и сегодня выглядит современным. Что же он описывает? Он описывает поведенческий модуль, который, с

одной стороны, дико устойчив и консервативен внутри, а с другой стороны, очень гибок и очень силен в игре с ним. Чем жестче ему предлагают игру, тем ему интереснее. Это свойство отчасти сохранилось в нашей системе. Кстати, поэтому режим санкций не был решением в попытках сдерживать Россию.

В этой системе есть несколько гибких и при этом опорных модулей, относительно независимых друг от друга. Притом что бюрократический аппарат чудовищен, так что с ней очень трудно иметь дело, внутри она устроена совершенно иначе. Она как кубик Рубика. Вы можете неожиданным образом, особенно для новичка, вращать его в любую сторону, и он не рассыпается, не ломается, потому что у него особенным образом устроен внутренний движок. Секрет в том, что мы ожидали обнаружить внутри цельные элементы, а там встроена какая-то «мистическая» штука, в которой элементы совсем не цельные – они выгрызенные, они дефицитны. И так же устроена наша система: она полна внутренних дефицитов, которые обеспечивают ей слипание и подвижность в разных направлениях.

А что касается идеологии, то здесь сформировался, еще один интересный модуль. Я его называю «треугольник фикции». И еще называю (я люблю звучные слова) «коллайдером эффективных повесток». Он возник по ходу проектных экспериментов с целью создания управляемой повестки дня. Их авторы совершенно не представляли себе, как их опыты в итоге склеятся. Чтобы было понятно, о чем речь, расскажу о том, как возник этот «треугольник фикции».

Поначалу это была мешанина неофициальных идеологем коммунистической номенклатуры. Изначальный хаос породил из себя три позиции. Но каждая из трех позиций была «фиктивной». Дело в том, что никакая из них не возникает спонтанно и не развивается сама по себе. Каждая проявляет себя лишь при давлении на нее. Они возникают в силу того, что с ними борются. А если не борются, они часто рассыпаются.

Одна из них – «зюгановский» комплекс, который сумел

позиционировать себя как эксклюзивный хранитель советского наследия, то есть активный симулятор советского внутри РФ. Вторая – «гайдаро-чубайсовская» платформа реформ, которая изначально очень тесно связана с центром власти, утвердившимся после 1991 года. Интересный момент: как правило, все ее описания принадлежат ее противникам. Она практически не породила самоописания. Третья возникла позднее, но принципиальна для треугольника. Это – антиолигархическая и «антигайдаровская» платформа. Она срасталась как результат гибридизации раскольников, отходивших от двух первых платформ. Сначала атака на «олигархов» оторвала ряд фрагментов прогрессистской платформы. А затем третья позиция стала консенсусной, приняв также беглецов от левоцентристов, превратившись в электоральный ухаб – повод для миграции с обеих сторон к группе поддержки власти.

Значение треугольника в том, что вы не можете выйти со своим идеологическим предложением на рынок, потому что обязательно попадете в поле гравитации этих трех объектов. Почти невозможно ворваться здесь с четвертой позицией – ее обязательно припишут к одной из трех. И еще не факт, что бесконфликтно.

И последнее. Я считаю, что система РФ является ресурсом самой себя. Истощение тех или иных ресурсов для нее не критично. В принципе могут истощаться любые. Своей игрой она доставляет наслаждение самой себе и, разумеется, населению. Мы все так или иначе вовлечены в ее внутреннюю игру, и в этом смысле, я бы сказал, что она глубоко антропологична. Таким образом, была решена трехсотлетняя задача антропологизации власти. Правда, за счет того, что места отдельно для общества и отдельно для государства не осталось. Поэтому эта система не институциональна и институциональной быть не может. А отсюда маленькое неприятное свойство, что однажды она прекратится. Не потому, что кончатся ресурсы, а потому что она просто отключится. И вы не будете знать за день до того, что это произойдет завтра. Но это опять-таки в значительной степени

свойство русских систем.

Ответы на вопросы

– То есть русского национализма можно не бояться?

– А что значит «не бояться»? Во-первых, всегда есть распределение случайных событий, которое не существенно статистически, но очень существенно для их участников. Вы можете, как один московский врач, остановиться в Америке в 5-звездочном отеле, выйти подышать, и «убежденный в своем праве» афроамериканец убьет вас на пороге. Но означает ли это, что всем врачам опасно ездить в Нью-Йорк и жить в гостинице напротив Уолл-стрит? Нет.

Во-вторых же, я думаю, что проблема русского национализма в том, что он не осуществим. В этой системе не осуществим *national building*. И нельзя создать нацию в том смысле, который разработан мировой политической теорией во многих вариантах и который сильно давит на тех, кто ее пытается создать здесь.

Русский национализм неоднократно показал, что он является обобщением, а не реальной идеологической силой. Есть много разных видов национализма, некоторые из них считают себя русским национализмом. Они легко могут быть описаны типологизированно, но суть в том, что они не способны мобилизовать. Часто даже внутри собственной среды они склонны, наоборот, к дроблению. Почему, собственно говоря? Здесь нет особой тайны.

Это же касается не только русского национализма. Это касается почти всех попыток создания общественного представительства. Здесь я просто апеллирую к Гефтеру. Общество всей России невозможно потому, что это пространство слишком гетерогенно, а поверх разнородности наложена унификация. Не произошло взаимной переработки унификации и земельного своеобразия, наподобие, скажем, французской. Поэтому каждая общественная экстрема, националистическая или правозащитная, здесь

выступала как определенная сила, но не представляла общество. В отличие, между прочим, от центральноевропейских государств, где они сыграли роль общественного представительства.

Они остаются экстремами, которые пытаются выйти за свои пределы, то есть изобразить власть. И здесь они, конечно, сталкиваются с реальной властью. Перед ее лицом они не могут ни договориться, ни объединиться. И это русского национализма касается в первую очередь. Потому что максимум, что может власть предоставить русским, это аппарат. Национализм русских может выражаться в том, что они идут на аппаратную службу. Но кому? Наднациональному государству. Так всегда и происходило. А, так сказать, устроить погром можно и совершенно не будучи русским, и без особой идеологической базы. Мы это наблюдали в разное время.

– Какова все-таки в нашей системе роль лидерства?

Лидер играет значительную роль, но какую? Не будем упрощать ситуацию. Даже Сталин последних лет жизни был крайне раздражен тем, что, как он говорил, из него сделали факсимиле. А это неизбежный процесс, когда нет способа выступить модератором или, как в модели управляемой демократии, депонентом. В нашей предыдущей модели лидер выступал депонентом базовых сделок системы. И модерировал достижения этих сделок. Но можно быть депонентом, если ты не являешься заинтересованным лицом, то есть стороной сделки. Такая система стала по ряду причин невозможной. Поэтому лидер пошел на ее демонтаж. И сегодня очень трудно определить, когда перед нами лидерские действия, а когда анонимные действия, использующие факсимиле. На этой базе тоже можно выстроить лидерство, но это сложная задача.

– Зачем в такой системе нужна эскалация?

– Наоборот – система уходит от эскалации всякий раз, когда у нее есть такая возможность. Но сам способ действия ведет к тому, что надо обострить зигзаг. А если предыдущий был острым, возникает необходимость повысить ставки, а значит повысить

риски. А значит вокруг возникают коалиции. Ведь где риски, там и возможности. Получить очень большую маржу за счет очень большого плеча.

Вообще говоря, эту политику разработал и довел до блеска Борис Николаевич. Она тогда называлась у него «яркий крючок, яркий зигзаг, яркая загогулина». Сперва каким-то действием или бездействием создается кризисная ситуация, а потом на сцену выступает ее же создатель в качестве спасителя. И говорит: успокойтесь, все будет хорошо. После нескольких таких циклов аудитория и население привыкают к этому, возникает потребность в растущей драматизации жизни и ее театрализации. Но уже в 1993 году это привело к ужасным вещам, потому что, конечно же, Ельцин не собирался стрелять по Белому Дому. Но когда включилось население, ситуация стала слишком сложной для управления, и чтобы выйти из ситуации, кто-то должен был первым начать действовать жестко.

Так что опыт эскалации накапливался в геноме системы. Привычка к ней – это же опыт, причем коллективный опыт. Должно быть что-то все более яркое, надо демонстрировать лидерство. Идет постоянный поиск того, как усилить драматургию выхода из предыдущего тупика за счет нового сюжета. У нас отсутствует разработочное звено, к сожалению – среднее звено, которое не просто придумывает яркие ходы, а разрабатывает возможности решения, в том числе наиболее экономные.

– Насколько глубока «нереформируемость» системы и в каких ее элементах?

– Во всех. Навсегда. Есть такая вещь как сингулярность. И когда вы подходите к точке сингулярности, вы не можете сказать, что будет по ту сторону. Что значит нереформируемость? Это не мистическое понятие, а, я бы сказал, ресурсное. Любая реформа, особенно радикальная, немедленно превращается внутри данной системы в повод, основание и почву для экстремизации ситуации. То есть мы создаем внутри системы место для чрезвычайного правительства. То есть в целом везде

не диктатура, а в точке реформирования – диктатура. Значит, реформы невозможны потому, что в системе немедленно возникнет коалиция жаждущих присоединиться к центру, где есть мандат на чрезвычайные действия, потому что этот мандат создает возможность личного продвижения и обогащения и т.д.

А вторая, фоновая вещь – то, что в системе не закончено ее учреждение, потому что она сама создала ситуацию перманентного переустройства. Это сложный сюжет, я не хочу в него вдаваться, но она вечно чуть-чуть недоучреждена. И поэтому может в любой момент влезать в собственный движок и там что-то переставлять. Эта проблема есть, и она тоже мешает преобразованиям. Поэтому тот, кто действительно хочет начать реформирование, должен это учесть и в каком-то смысле переиграть собственную систему – а это очень трудно. А сейчас, по-моему, к тому же потерян прибор ориентации, потому что ландшафт слишком изменился при сохранении тех же людей. Потеряно видение системы, потеряно чувство этой системы. Есть такая проблема.

– Какие именно действия лидера после Крыма вы относите именно к лидерским действиям, а не «факсимильным»?

– Крым – это лидерское действие, но здесь возникает проблема шлифовки. Безусловно необходимо было действие, которое одновременно было невозможным. Любое политическое действие после ночного бегства Януковича было, строго говоря, бессмысленным и слабым. Любое действие ослабляло позицию, даже если ничего не делать, «занять позу дохлого жука». И все же были возможности проведения более качественного референдума, и многие другие возможности. Но это лидерское действие уже хотя бы потому, что оно было связано с тотальным личным риском. Лидер взял на себя риск, в том числе чисто лидерский риск – перестать быть лидером в момент неправильного действия. Это как лампочку выключают. У тебя те же самые полномочия, но ты уже не лидер, и это самое страшное.

В этом решении не было желания эскалации, наоборот – попытка найти черту, на которой можно остановить обрушение

конструкции. Но сама конструкция была невероятно рискованной, когда все русские интересы на Украине были завязаны на одного человека – президента, да еще и с таким образом поведения. И все эти риски тут же вышли. Управление – самый тяжелый, самый страшный вопрос нашей системы. Она всегда ищет, чем заменить процедуру банального управления, потому что в ней нет сектора, где независимо ни от какой политики и ни от каких передрыг хранится набор эталонов, связанных с управлением.

В этом смысле бюрократии в точном смысле слова у нас нет. Она политизирована и финансиализирована – эти два вопроса у нас связаны. Она потому и финансиализирована, что политизирована. И кстати, отсюда проблема проведения реформ. Проведение реформ – это труднейший управленческий процесс, как известно. И китайцы никогда не могли понять, почему мы начали реформы с уничтожения управляющего звена.